

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРЕДЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

НАТАЛЬЯ ЛАЗАРЕВИЧ

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии
Центр социально-философских и антропологических исследований
ул. Сурганова 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь
e-mail: natalazarevich@tut.by
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2095-5608>
(получено 24.09.2019; принято 3.10.2019)

Abstract

Existential-Ecological Dimension of the Restricted Human Existence

This paper reviews the content and methodological significance of the theory of existentialism, which allows to characterize the conditions of human activity and subjective assessments of these conditions regarding modern socio-ecological development. It is shown that threats and dangers exacerbate the feeling of unreliability and uncertainty of human existence in the world (this was clearly demonstrated by the tragedy at the Chernobyl nuclear power plant).

Key words: existence, ecology, personality, human being, tragedy

Резюме

В статье рассматриваются содержание и методологическое значение теории экзистенциализма, позволяющей охарактеризовать условия жизнедеятельности человека и субъективные оценки этих условий применительно к современному социально-экологическому развитию. Показано, что угрозы и опасности обостряют чувство ненадежности и неуверенности бытия человека в мире

(наглядно это продемонстрировала трагедия на Чернобыльской атомной станции).

Ключевые слова: экзистенция, экология, личность, человеческое бытие, трагичность

Общеизвестно, что экзистенциализм как учение возник в конце 20-х годов XX века в виде «философии существования», которая обратилась к проблеме критических, кризисных ситуаций человеческого бытия. Наиболее известными ее представителями являются М. Хайдеггер, К. Ясперс, Г. Марсель, Ж.-П. Сартр. Экзистенциализм рассматривает человека преимущественно в состоянии «переживания» жестоких, критических, выходящих за пределы обыденного состояния ситуаций. В центре внимания данного учения ставятся индивидуальные смысложизненные вопросы вины и ответственности, принятия решений и выбора, отношения человека к своему призванию и к смерти. Это течение в философии справедливо называется «философией кризиса». Трагические события XX века – войны, поражения в них, многочисленные жертвы, послевоенные экономические кризисы – породили у населения пессимизм и разочарование и обнажили хрупкость, неустойчивость всякого человеческого существования, не только индивидуального, но и родового, общеисторического.

Представление о смерти как о самоочевидной абсолютной границе любых человеческих начинаний занимает в «философии существования» важное место. Осознавая смертность, человек должен ценить все то, что напоминает ему о суетности его практических начинаний. Это открывается человеку в пограничных ситуациях – «безвыходных», жизненных предельных обстоятельствах (смерть, потеря близких). По Ясперсу, эти ситуации – «шифр» человеческого существования в мире. Нередко экзистенциалисты рассматривают человека как «заброшенного», вовлеченного в ту или иную историческую ситуацию. В «Философской автобиографии» Ясперс свое восприятие подобных ситуаций выразил в следующих формулировках:

В 1914 году историческая почва заколебалась. Все, что в течение долгого времени казалось нам устойчивым, было поставлено под удар. Мы ощутили, что вовлечены в неудержимый, непредвидимый процесс. Лишь с этого времени наши поколения почувствовали себя заброшенными в поток катастрофических событий (Ясперс 2006: 294).

Осознание человеком того обстоятельства, что он стихийно вовлечен в ту или иную историческую ситуацию, должно ставить человека, как подчеркивает Ясперс, в правильное отношение к историческому процессу. Человек должен заглядывать в будущее не с надеждой «получить» жизненные цели (они уже имеются у него, как и убеждения), а затем, чтобы понять, в какой обстановке он будет отстаивать себя как личность. Так, врач отправляется в неизвестную местность к больному, несмотря на возможные опасности, движимый осознанием своих человеческих обязанностей.

Экзистенция чаще трактуется как некая судьба-призвание, которой человек беспрекословно, стоически подчиняется. В глубоко религиозных обществах это стремление удовлетворяется верой в Бога. По мере утраты веры в Бога ее место занимает вера в разум, социальные устои. В периоды кризисных ситуаций (войны, поражения, природные катастрофы, эпидемии) человек теряет эту свою опору. Не имея трансцендентной опоры, он впадает в житейский страх (*Frust*). Страх калечит человека, заставляя его тешиться иллюзиями, пророчествами, обещаниями социальных демагогов.

Идеи экзистенциальной философии давно перешагнули казавшийся барьер абстрактности и замкнутости на себя. Они рельефно присутствуют в анализе и оценках современных антропных характеристик экологического кризиса. Последний нередко обуславливает ситуативные проблемы, обостряющие экзистенциальную сущность человеческого поведения. Российский психолог Л.П. Гримак делит кризисные ситуации, окружающие современных людей, (сюда могут быть отнесены и экологические) на два типа в зависимости от того, какую возможность они оставляют для человека в будущем.

Кризис первого типа представляет собой серьезное потрясение, сохраняющее определенный шанс выхода на прежний уровень жизни. Ситуация второго типа – собственно кризис – бесповоротно перечеркивает имеющиеся жизненные замыслы, оставляя в виде единственного выхода из положения модификацию самой личности и ее смысла жизни (Гримак 1989: 191).

Критические ситуации в самом общем виде можно характеризовать как ситуации, порождающие дефицит смысла в дальнейшей жизни человека. Современная психологическая наука различает четыре ключевых понятия, которыми можно описать жизненные критические ситуации. Это понятия стресса, фрустрации, конфликта и собственно кризиса. Усмотреть четкую границу между этими понятиями не всегда удастся. Ряд проблем, вызывающих такую критическую ситуацию, встают перед человеком зримо (например, изменения климата в результате нарушения баланса в биосфере, природных условий существования и т.п.). Другие проблемы человеческими органами не фиксируются (например, повышенная радиация). Ориентация может быть только на приборы, которые регистрируют и показывают степень опасности («приборное мышление»).

Все эти проблемы не просто входят в быт и сознание людей. При развертывании экологической драмы человеческая суть обнажается предельно быстро, всякая завуалированность снимается. Так, во время ликвидации последствий Чернобыля поступки людей, принимавших в этом участие, раскрывали внутреннюю сущность каждого. Вот как об этом пишет украинский писатель и публицист Ю. Щербак:

Вспышка над Чернобыльской атомной ослепительным светом своим высветила добро и зло, ум и глупость, искренность и фарисейство, сочувствие и злорадство, правду и ложь, бескорыстие и алчность – все человеческие пороки и добродетели, упрятанные в душах (Щербак 1987: 45).

Я. Коломинский, анализируя последствия аварии на ЧАЭС, справедливо утверждает, что отрицательные показатели здоровья определяются не только

прямым воздействием радиации, но и влиянием сложного комплекса микро- и макросоциальных последствий. Он объясняет это отсутствием специальных органов, регистрирующих радиацию, оценка которой осуществляется человеком косвенно (эмоционально-когнитивно, эмоционально-информационно). Фактором стрессогенного воздействия является также длительность и постоянство воздействия, что, с одной стороны, усиливает радиофобию, с другой, создает иллюзию привыкания.

Стрессогенные воздействия оказывают травмирующее влияние на психику всех возрастных групп, подкрепляясь противоречивой информацией, неясностью жизненных перспектив. В сознании человека возникает субъективный образ радиационной угрозы, под влиянием которой складывается особый симптомокомплекс, представленный в сознании человека в виде образа: «Я – Чернобылец». Личность с таким деформированным самоотношением обнаруживает признаки психологии жертвы: пассивное отношение к жизни, неуверенность в своих силах, ожидание помощи со стороны. Нередко это приводит к вседозволенности, отклоняющемуся поведению, алкоголизму (Коломинский 1993).

Специальные исследования обнаружили большую распространенность психологических и невротических расстройств у жителей зон жесткого контроля – повышение ситуационной и личной тревожности, депрессия, апатия, психическая дезадаптация, которая проявляется в чувстве незащищенности, постоянном беспокойстве за состояние здоровья – своего и своих детей. В значительном числе случаев отрицательные эмоциональные состояния переходят в стойкие невротические и нервозоподобные расстройства и психические заболевания. На поведенческом уровне проявляются недоброжелательность, раздражительность, агрессивность. Один из крупных представителей христианского экзистенциализма Марсель, оценивая подобные состояния людей, для которых прежний их мир, быт оказался разрушенным, указывает, что разбитому, расколотому миру соответствует расколотый человеческий внутренний мир (Марсель 2005).

В особенности страдает психика детей. Изменения привычного образа жизни, многочисленные запреты заставляют ребенка воспринимать окружающую природу – лес, речку, траву и т.д. – как источник грозной, хотя и непонятной опасности. В настоящее время, когда участились террористические акты, к этому добавилась боязнь брошенных вещей, пакетов – в них может скрываться взрывное устройство. Имеют место существенные сдвиги в познавательной, интеллектуальной, эмоционально-волевой и личностно-характерологической сферах. Почти во всех исследованиях отмечаются отрицательные явления в области общения со сверстниками и взрослыми, а также криминализация поведения подростков и юношей.

Полученные результаты позволили выдвинуть гипотезу о том, что у детей, находившихся в момент Чернобыльской аварии на прилегающих территориях, проявляется тенденция к снижению темпов интеллектуального развития. В это же время подтвердилось предположение о том, что умственное развитие дошкольников прямо зависит от социокультурных условий и опосредовано эко-

логическими или биологическими факторами, если влияние радиации не превышает значимых для организма пороговых величин.

Исследование эмоциональной сферы подростков, проживающих в зоне радиоактивного загрязнения (под рук. Л. Рожиной), выявило симптомы посттравматического стресса. Результаты контент-анализа сочинений и высказываний позволяют говорить о наличии у подростков симптомов «позиции жертвы» и элементов аутодеструктивного поведения. «Позиция жертвы» выражается в идеализации ситуации до аварии; обвинении в недостаточности или полном отсутствии необходимой помощи; убежденности, что такая помощь обязательна; отсутствии осознанной ответственности за свое настоящее и будущее. Признаки аутодеструктивного поведения проявились в ограничении предполагаемой продолжительности жизни, преобладании отрицательных жизненных перспектив и отсутствии у большинства подростков конкретных планов на будущее. К выпускному классу становится больше школьников с астеническим типом эмоционального профиля. Последнее обстоятельство свидетельствует о дезадаптации части подростков к изменившимся условиям жизни (Рожина 2003).

По данным украинских исследователей, у детей 13–15 лет из зоны усиленного радиационного контроля обнаружены трудности социальной адаптации, конфликтность и агрессивность (98% обследованных), эмоциональная незрелость (67%), тревожность, «потеря корней» (56%), отмечается чувство отчужденности и отверженности. Характерны также неуверенность в общении, боязнь насмешек, чрезмерная резкость и протест как способ защиты, беспредметная озабоченность, неудовлетворенность отношениями в семье и школе. Отмеченные черты нередко сочетаются у подростков с повышенным самомнением и эгоцентризмом (Рожина 2003).

В регионе с более сложной экологической обстановкой зафиксировано увеличение количества конфликтов старшеклассников с учителями. По сравнению с фоновым регионом это различие статистически значимо. При анализе особенностей поведения школьников Чернобыльского региона в конфликтных ситуациях отмечена тенденция к увеличению таких способов поведения, как «соперничество» и «избегание». Кроме того, на статистически достоверном уровне выявлено снижение реакции по типу «приспособление». Видимо, это свидетельствует об определенной социально-психологической адаптации старшеклассников, проживающих в условиях длительного воздействия малых доз радиации.

Представленная далеко неполная картина психологических последствий Чернобыльской аварии позволяет сделать два главных вывода. Во-первых, наблюдения и исследования свидетельствуют о том, что эти последствия, несомненно, существуют, и на данном этапе трудно предсказать, какими будут отдаленные результаты изменений в психике взрослых и особенно детей. Во-вторых, уже то, как справедливо заметил Коломинский, что мы знаем о «психическом Чернобыле» сегодня: к сожалению, становятся привычным утверждения о том, что стрессогенные воздействия, о которых шла речь, обусловлены результатами экологического кризиса, последствиями его внутриличностных восприятий

и переживаний. Изменения привычной жизненной обстановки, «особенно те из них, которые могут быть неблагоприятными для индивидуума, вызывают у него внутренние переживания, опасения и нарушение покоя» (Коломинский 1993: 118). Это, в свою очередь, приводит к изменению самого характера поведения личности.

Наиболее опасными для жизни и здоровья человека ученые признают наличие высокой концентрации негативных эмоций, разрушающих его психику. Эти эмоции могут быть направлены как на окружающих, так и на самого человека. Они не проходят бесследно, а, накапливаясь, зачастую приводят к нарушению душевного равновесия – стрессу. Канадский врач и физиолог Г. Селье выдвинул и блестяще доказал гипотезу общего адаптационного синдрома, от которого перешел к универсальному объяснению стресса (Селье 1979). Современные исследования подтверждают, что стресс – это физическое, психическое и эмоциональное напряжение, способное постепенно накапливаться и выливаться в виде приступов агрессии, нервных расстройств, серьезных психологических заболеваний.

У каждого человека есть барьер психической адаптации, причем он строго индивидуален. В нормальной жизненной ситуации человек должен справляться со стрессом, когда ему удастся примириться с обстоятельствами или устранить причину стресса. В обратном случае умение приспосабливаться значительно снижается или пропадает, в результате чего появляется нарушение психики. Любая новая жизненная ситуация является потенциально стрессовой, но далеко не каждая из них бывает критической. Критические ситуации вызывают дистресс, который на экзистенциальном уровне переживается как горе, несчастье, собственная незащитность и беспомощность, законченность бытия и т.п. и сопровождается нарушением адаптации, контроля, характеризуется избытком эмоционального напряжения. Ситуационно обусловленные эмоциональные переживания самым непосредственным образом сказываются не только на психическом, но и на физическом здоровье, способствуя укреплению или разрушению последнего.

Это определено функциями эмоций, сформировавшимися еще в филогенезе. Экологическое значение эмоций – в оценке обстановки и немедленной «подготовке» организма приводит к реакции, соответствующей данной ситуации. Однако у человека эти общебиологические моменты специфицируются социальным способом его бытия. Здесь имеет место биологический уровень эмоционального реагирования: не теряя своей реальной регулятивной функции, он вовлекается одновременно в специфически человеческие формы чувственности, опосредуясь и преобразуясь последними. Состояние эмоционального стресса представляет собой реакцию, запрограммированную еще в природной организации человека. Биологическое назначение данной реакции состоит в мобилизации всех ресурсов организма с одновременной максимальной мышечной деятельностью, направленной на преодоление возникшего препятствия или жизненно опасной угрозы.

Развитие организма на протяжении его жизни (витальный цикл) характеризуется двумя важнейшими программами. Одна отражает преимущественно

социальные деяния данного человека. Вторая – его биологическое назначение. Следовательно, одной из особенностей эмоциональных переживаний является то, что они одновременно охватывают как глубинные слои биологического уровня регуляции жизнедеятельности, так и высшие этажи тончайших социальных чувств. Сочетание этих двух программ может быть либо контрастным, либо гармонизированным. Как правило, нездоровая экологическая обстановка нарушает обе программы. Соотношение социальности человека с телесными (органиченными) основами его бытия опосредуется и одновременно интегрируется психологическими структурами личности. В соответствии с этим в рамках общего концептуального и биологического вычленяются биопсихический и социопсихический уровни детерминации поведения, где в качестве одного из важнейших звеньев выступает эмоциональная сфера. Поскольку эмоциональное представляет собой относительно самостоятельную (и интегративную) составляющую психики, эмоциональными реакциями опосредуются многие внешние воздействия условий существования и внутренние природные структуры человеческого индивидуума. Такой эмоциональной реакцией может быть, например, агрессия.

В работах психоаналитиков Р. Барона, Д. Зилманна, Дж. Карлсемита, К. Мюллера и других проводится идея о том, что агрессия никогда не возникает в вакууме и что ее существование во многом обусловлено некоторыми аспектами окружающей естественной среды, которые «провоцируют» возникновение и влияют на форму и направление ее проявлений (Румянцев 1991). Среди таких стрессоров они выделяют 1) физические, к которым относят шум, жару, загрязнение воздуха и т.д.; 2) межличностные, включающие в себя территориальное вмешательство, высокую плотность проживания людей. Однако лабораторный эксперимент и многочисленные социологические наблюдения показывают, что эти стрессоры не всегда производят одни и те же эффекты (например, агрессию). Стрессоры среды не увеличивают прямо и однозначно степень агрессивности. Они могут влиять на нее лишь в том случае, когда: а) индивид был как бы заранее предрасположен к агрессии; б) нарушается способность личности к адекватной переработке получаемой ею информации.

Чаще происходит процесс адаптации. Адаптация является важнейшим эволюционно-динамическим процессом приспособления организмов к изменяющимся условиям среды. Адаптация есть динамическое состояние (процесс) сохранения и развития оптимальных взаимодействий организма с неадекватной средой, гарантирующее выполнение жизненных, витальных целей. Так, биологи при описании агрессии акцентируют внимание, главным образом, на ее целях и функциях – адаптивных и неадаптивных; нейрофизиологов интересуют механизмы нервной регуляции, лежащие в основе этого явления; психиатры собирают данные о деструктивных последствиях воздействия агрессии на психику; социологи занимаются рассмотрением того, как общественные условия порождают и поддерживают это явление.

Идеи экзистенциальной философии давно перешагнули казавшийся барьер абстрактности и замкнутости. Они рельефно присутствуют в анализе и оценке современного экологического кризиса. Существует безусловная связь между

идеей существования и перспективой глобальной катастрофы. Эта связь получила новое звучание в работах Н. Моисеева и К. Сагана. Исследования под их руководством показали, что биосфера отнюдь не беззащитна. До определенного времени ее реакция незаметна для нас. Однако критический уровень изменений приводит к тому, что биосфера отвечает таким изменением условий существования, при котором жизнь человечества становится невозможной и может произойти его исчезновение как вида. Такая реакция биосферы получила название «экзистенциальная защита биосферы». Моисеев и Саган вскрыли обратную реакцию биосферы.

Если зло, направленное против биосферы, достаточно велико, то биосфера отвечает как бумеранг. Действует уже не совесть, а непреложный автоматизм обратной реакции на зло. И на основе этой обратной связи меняется все наше отношение к свободе выбора человека между добром и злом (Моисеев 1990: 56).

Следовательно, на уровне биосферы существует связь между чисто субъективными, идеальными процессами, происходящими внутри сознания человека в области нравственности, и объективными, материалистическими процессами, происходящими в окружающей среде. Люди начали понимать, что существует «допустимый порог» в воздействии технологии и производительных сил на окружающую среду и во взаимоотношениях между человеком и природой. «Человек должен осознавать, что существует порог, за которым нет пути назад, поскольку эволюция может следовать новыми, неизведанными путями, где нет ни разума, ни самого человека» (Моисеев 1990: 56).

Таким образом, человек формирует определенные программы взаимодействия с внешней средой, которые всецело выступают регулятором его практической деятельности. Экзистенциальный опыт переживания человечеством критичности своего бытия должен быть направлен на изменение сложившихся стереотипов мышления, подчинив их объективным законам социоприродной коэволюции.

Библиография

- Åspers, M. (2006). *Vvedenie v filosofiû: filosofskaâ avtobiografiâ*. Moskva: Kanon+ROOI «Reabilitaciâ» [Ясперс, М. (2006). *Введение в философию: философская автобиография*. Москва: Канон+РООИ «Реабилитация»].
- Grimak, L.P. (1989). *Rezervy ÷elove÷eskoj psihiki: vvedenie v psihologiiû aktivnosti*. Moskva: Politizdat [Гримак, Л.П. (1989). *Резервы человеческой психики: введение в психологию активности*. Москва: Политиздат].
- Kolominskij, Å. (1993). Psihologi÷eskie posledstviâ avarii na ÅAËS. *Nabat*, 9: [Коломинский, Я. (1993). Психологические последствия аварии на ЧАЭС. *Набат*, 9: 110–121].
- Marsel', G. (2005). *Metafizičeskij dnevnik*. Sankt-Peterburg: Nauka [Марсель, Г. (2005). *Метафизический дневник*. Санкт-Петербург: Наука].
- Moiseev, N.N. (1990). *Çelovek, priroda i buduše civilizacii: «âdernaâ zima» i problema «dopustimogo poroga»*. Moskva: Polytyzdat [Моисеев, Н.Н. (1990). *Человек, природа и будущее цивилизации: «ядерная зима» и проблема «допустимого порога»*. Москва: Политиздат].

- Rožina, L.N. (2003). *Razvitie emocional'nogo mira ličnosti*. Minsk: Vyšejšaa škola [Рожина, Л.Н. (2003). *Развитие эмоционального мира личности*. Минск: Высэйшая школа].
- Rumânceva, T.G. (1991). *Agressiâ: problemy i poiski v zapadnoj filosofii i nauke*. Minsk: Universitetskoe [Румянцева, Т.Г. (1991). *Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке*. Минск: Университетское].
- Selë, H. (1979). *Stress bez dystressa* Moskva: Prohress [Селье, Г. (1979). *Стресс без дистресса*. Москва: Прогресс].
- Šerbak, Ū. (1987). Černobyl'. *Ūnost'*, 7: 45 [Щербак, Ю. (1987). Чернобыль. *Юность*, 7: 5–105].